

В. Э. Мейерхольд и А. П. Чехов

МАССОВЫЙ зритель продолжает проявлять огромный интерес к чеховскому спектаклю в театре Мейерхольда. В антрактах не прекращаются споры о характере постановки и об отдельных ее деталях. Переполненный зрительный зал неизменно вызывает на сцену постановщика. В. Э. Мейерхольд подходит к рампе и раскланивается, но он уже... отошел от Чехова. Как в дни подготовки «Пиковой дамы», его мысли устремлены сейчас к Пушкину: режиссер готовит юбилейный пушкинский спектакль. Чехов для него — прошлое. Это особенно ярко сказалось на характере доклада В. Э. Мейерхольда «Моя работа над Чеховым» в Клубе мастеров искусств.

В. Э. Мейерхольд считает, что этой постановкой театр как бы предъявил счет советским комедиографам — предложил им создать на новом материале комедии и водевили, равные по своему высокому качеству водевилям и комедиям Чехова.

— Если хотите, — говорит Мейерхольд, — то к работе над этой постановкой меня толкнуло то громадное возмущение и негодование, какое выросло во мне, когда я смотрел на сцене пьесы вроде «Чужого ребенка» Шкваркина.

Мейерхольд противопоставляет «Чужому ребенку» водевиль Чехова. Автор «Предложение» и «Медведя» никогда не приближался до тривальности и пошлости. Чехов берет эту пошлость под обстрел. Поэтому смех Чехова отнюдь не носит характера вульгарства.

Критики, писавшие о чеховском спектакле, удивились гиперболизму, внесенному постановщиком в трактовку чеховских персонажей. Мейерхольд считает, что это удивление основано на плохом знании Чехова: в его водевилях этот гиперболизм достигает значительно больших высот,

чем у Гоголя; последний в этом смысле более осторожен, чем Чехов.

Чехов между делом занимался водевилями. Он не уделял им достаточного внимания и времени. В одном из писем к Н. А. Лейкину Чехов

говорит, что у него нет охоты писать юмористику для сцены. Поэтому его водевили, по мнению Мейерхольда, являются недоработанными. Гоголь писал «Ревизора» много лет до его появления на сцене и много работал над ним после постановки — до конца жизни. У Чехова этого не было. И эта некоторая небрежность чеховских водевилей, — говорит Мейерхольд, — заставила его «заняться изучением чеховского текста».

Ошибка Чехова в «Юбилее», по мнению Мейерхольда, в том, что он не сразу направляет внимание зрителя на главное в пьесе.

Чехов начинает водевиль с показа бухгалтера Хиррина, подробно описывает обстановку кабинета в правлении банка и подчеркивает контраст между этой обстановкой (цветы, ковры и т. п.) и фигурой Хиррина в валенках. Между тем это — не столь важно, ибо не на этом контрасте развивается действие. Это — второстепенный эпизод. Главной фигурой яв-

ляется Шипучин, ибо совершенно ясно, что водевиль возник в результате возмущения Чехова шумевшим в свое время процессом Скопинского банка. Мейерхольд сосредоточил все внимание зрительного зала на Ши-

пучине и этим самым подчеркнул социальную значимость водевиля.

Актер, играющий Шипучина, получает большую нагрузку в первой, экспозиционной части водевиля. Мейерхольд считает, что актер Чикун внес много инициативы в исполнение роли — он показывает больше того, что дали ему и автор и режиссер. Это очень трудно для современных актеров, которые тренируют свой талант на Киршоне и Афаногеново. Пьесы этих авторов лишены той многопланности, какая была в пьесах пушкинско-гоголевской эпохи и какая открывала

перед Мочаловым, Шумским и Карагичиным огромные перспективы для игры. Такая же многопланность имеется и в пьесах Чехова.

— Я не видел Бабиной в роли Джульетты, — говорит мельком тов. Мейерхольд, — но я не удивлюсь, если прочту отрицательную рецензию об ее игре. Это будет вина не ее, а тех авторов, которых она играла;

они давали пьесы, в которых ее дарование не могло шлифоваться.

С точки зрения такой актерской тренировки Мейерхольд придает огромное значение исполнению водевилей.

Останавливаясь на отдельных высказываниях критиков, Мейерхольд считает правильными указания на растянутасть третьей части спектакля «Предложение». Это — безусловный минус постановки, но он возник в силу величайшей трудности, стоявшей перед режиссером, который стремился не к тому, чтобы поставить в один вечер три чеховских водевиля, а хотел объединить их в одну вещь.

— Большею частью, — говорит тов. Мейерхольд, — свои работы я начинаю делать с конца, с последнего или предпоследнего акта, подобно тому, как некоторые французские драматурги начинают писать свои пьесы с финала, подводя потом под этот финал остальной текст. Я начал подготовку чеховского спектакля с «Предложения», увлекся методологической его проработкой и попал в тупик. Делать потом купюры — значило идти по линии наименьшего сопротивления. Я решил изменить композиционную сторону «Предложения», но сделать это оказалось не так-то легко. Помешала некоторая неподвижность актеров, обычно очень быстро вживающихся в свою роль. С переходом роли Ломова к актеру Чистякову кое-что удалось исправить.

В. Э. Мейерхольд призывает советских актеров равняться на Мочалова и Шепкина, которые сумели проникнуть в среду литераторов, стали там своими людьми и от этого общения с большими писателями очень многому научились.

Нар. арт. Вс. Мейерхольд